

ПАЛЕОНТОЛО́ГИЯ ЛИНГВИСТИ́ЧЕСКАЯ

Авторы: В. Н. Топоров

ПАЛЕОНТОЛО́ГИЯ ЛИНГВИСТИ́СКАЯ, лингвистич. дисциплина, в рамках которой выявляются и истолковываются наиболее архаичные элементы языка, сохраняющиеся в истории и в данном его состоянии как пережитки утраченных более древних систем. В более узком понимании – раздел языкознания, в котором на основании языковых реликтов восстанавливаются материальные и духовные условия жизни носителей вымершего языка (территория его распространения, контакты с соседними языками, обозначение тех или иных реалий и абстрактных понятий и т. п.).

Приёмы и способы П. л. не образуют строгого единства ввиду большого разнообразия выявляемых и истолковываемых элементов, выступающих не столько как отражение неких типов, сколько как исключения из них, уникальные или очень редкие явления (языковые раритеты). Возможности П. л. в каждом конкретном случае зависят от самого характера данного языкового реликта (от числа шагов-изменений, степени его включённости в систему, наличия аналогий, напр. типологических, и т. п.) и от «разрешающей» силы используемых аналитич. методов. Однородность исследовательской процедуры исключается и потому, что анализируемые языковые реликты принадлежат разным уровням языка (от звукового до семантического), существенно различающимся между собой по возможностям реконструкции (см. *Реконструкция лингвистическая*). Поэтому результаты исследования в П. л. разнородны по степени конкретности, по широте объясняемого круга фактов, по вероятности выводов, по следствиям, вытекающим из анализа данного явления для др. фрагментов системы языковой.

Понятие «П. л.» возникло в языкознании после того, как сложилась первоначальная методика сравнительно-историч. исследования языков (см. *Сравнительно-историческое языкознание*). Её становлению способствовал материал, который черпался из анализа сходных элементов флексии (именной и глагольной) при сравнительно-историч. исследовании языков (а позднее и при попытках реконструкции праязыковых форм; ср. мысль Ф. *Болла* о роли местоименных элементов в структуре флексии индоевроп. языков). Образцом для формирующейся П. л. была избрана палеонтология в том виде, в каком она сложилась в нач. 19 в. в естествознании. Этому способствовало влияние естественно-науч. концепций на языкознание в сер. 19 в. (А. *Шлейхер* и др.), приведшее к взгляду на язык как организм, включённый в цепь эволюц. развития природных явлений.

Выделяются следующие различия историч. условий возникновения П. л. и биол. палеонтологии и вытекающие из этого существенные расхождения. 1. П. л. возникла как сознательная попытка объяснить некоторые неясности, возникающие при сравнительно-историч. анализе фактов, в свете идей уже сформировавшейся биол. палеонтологии, которая сложилась как результат исследования случайных находок ископаемых организмов. 2. В П. л. изначально ведущей была идея связи разновременных элементов языка в эволюц. цепи, тогда как в палеонтологии долгое время ископаемые организмы рассматривались не как звенья такой цепи, а как изолиров. остатки. 3. П. л. сама участвовала в вычленении своего объекта – архаич. раритетов. Палеонтология опиралась на огромный эмпирич. материал, получаемый и независимо от

целенаправленных поисков. 4. В П. л. временная (относительно-хронологич.) характеристика языкового элемента – всегда результат сложной исследовательской процедуры, а безотносительная (абсолютная) хронология почти всегда вообще неизвестна, тогда как в палеонтологии относит. хронология ископаемых остатков задаётся стратиграфией геологич. пластов, которые дают довольно точные указания и абсолютной хронологии. 5. В П. л. установление связей данного архаичного элемента с другими (и определение его места в системе) в исходном языковом состоянии – одна из наиболее сложных задач, чаще всего остающаяся нерешённой. Напротив, в палеонтологии начиная с Ж. [Кювье](#) отношение одной части ископаемого организма к другой (и к организму в целом) определялось законом корреляции (взаимозависимости): по известному элементу можно было предсказывать неизвестный и реконструировать организм в целом. 6. Объекты П. л. (архаизмы), принадлежащие по происхождению отд. эпохам, чаще всего вкраплены в новое языковое целое и, следовательно, принадлежат и данному состоянию, в то время как объекты палеонтологии принадлежат только прежним эпохам.

П. л., представляя собой часть исторического языкознания, занимается проблемой связи элементов языка во времени. При этом время выступает как само содержание развития языка (языковое время или «языковые часы»). Языковое время определяется теми изменениями, которые происходят в языке, и является интенсивной характеристикой языка, несущей богатую информацию. Для П. л. существенна гетерогенность языкового времени – как для разных языков или разных фрагментов языков, так и для разных этапов в развитии одного языка. Она проявляется, в частности, в том, что каждый языковой элемент не только фиксирует своё временное состояние (место на шкале времени в его лингвистич. воплощении), но и содержит указание на направление этого времени, которое реконструируется при наличии информации о предшествующем и последующем временном состоянии. Разные языковые элементы, составляющие в данном синхронном состоянии целостную схему, фиксируют разл. временные состояния. Эти зазоры в возрасте языкового времени разных элементов одной общей системы дают возможность попытки привести эти элементы к общему временному состоянию.

В 1960–70-х гг. предпринимались попытки использовать языковую информацию для заключений абсолютно хронологич. свойства (см. [Глоттохронология](#)). Они были основаны на том, что даже наиболее устойчивые элементы языка – лексемы – полностью исчезают во времени. При этом предполагалась равномерность исчезновения лексем, позволяющая, в частности, определить абсолютную дату того языкового состояния, когда данный «ядерный» набор лексем ещё не существовал. Эта методика ориентируется на язык как средство, и содержанием её является не язык, а абсолютное «внешнее» время. П. л. же ориентируется на языковое («внутреннее») время и на определение места в системе. Объекты исследования П. л. находятся в нижнем (раннем) слое структуры, образуемой языковым временем. Эти архаичные объекты настолько «выветрились», что их информативная ценность близка к нулю, и кажется, что именно через них энтропия деформирует данную языковую систему. Поэтому существенно, что архаизмы (объекты П. л.) не поддаются элементарным экстраполяциям и более или менее автоматич. реконструкциям, исходя из особенностей данной системы. Осн. черта этих архаизмов заключается в их неясности [в отсутствии возможности интерпретации формы и/или значения данного элемента стандартными средствами, с помощью которых объясняются др. элементы этого же языка, в выпадении элемента из системы (неясность функции), в непроявленности связей между данным элементом и др. элементами, с одной стороны, или между этим элементом и целым, в которое он входит, с др. стороны], в невозможности убедительной их идентификации иначе как средствами П. л. Но П. л. ориентирована

не только на наличные объекты, но и на характер ожидаемого результата. Методы П. л. наиболее эффективны именно тогда, когда при анализе данного языкового элемента удаётся проникнуть в предыдущее языковое состояние, до сих пор остававшееся неизвестным. Т. о., П. л. не просто комментирует исключения и раритеты, но и позволяет открыть детали, которые дают возможность заглянуть в до того неизвестное языковое состояние, предшествующее во времени известному состоянию.

П. л. решает 4 типа задач. 1. Анализ отдельных архаизмов на разных языковых уровнях. Напр., исследование разного рода «нарушений» системы в отд. индоевроп. языках, приведшее к открытию ларингальных, что позволило объяснить ряд черт структуры [вокализма](#), [консонантизма](#), [морфологии](#); реконструкция активного и пассивного падежей и эргативной конструкции (см. [Эргативный строй](#)) в индоевроп. языках по некоторым особенностям ср. рода и соотношения им. п. и вин. п.; вскрытие в системе предлогов следов использования названий частей тела как пространственных [классификаторов](#); этимологич. исследование апеллятивов и [собственных имён](#), приводящее либо к реконструкции принципиально новой формы и/или значения, отсылающих к неизвестной до того совокупности фактов, либо к вскрытию иного языка, объясняющего мнимые исключения как закономерности [ср. исследования субстратной лексики (см. [Субстрат](#)), особенно результативные в [топонимике](#)]. 2. Восстановление целого – языковых систем или их фрагментов. Напр., реконструкция фонетич. системы неизвестного языка по исключениям и двояким рефлексам звуков в к.-л. языке (реконструкция «догреческой» звуковой системы по исключениям в фонетике др.-греч. яз.). Сюда относится и дешифровка неизвестных древних письменностей, приводящая к открытию нового языка и, следовательно, его системы. 3. Установление родства или «прародства» языков. Напр., определение места генеалогически «тёмного» языка в генеалогич. классификации, после чего становятся возможными новая интерпретация фактов и реконструкция «прасостояния» этого языка; выявление связей групп родств. языков между собой, связанное с углублением языковой реконструкции и вскрытием более ранних языковых общностей (установление родства [ностратических языков](#) В. М. [Иллич-Свитычем](#)). 4. Реконструкция «начал» языка в целом ([глоттогенез](#)), его архаической истории (разные попытки объяснения происхождения языка, связь с «языком» приматов, с др. знаковыми системами и т. п.). Результативны попытки проследить становление звуковой системы и семантизации её элементов [Я. И. А. ван Гиннекен (Нидерланды), Э. Дж. Пуллибланк (Великобритания, Канада) и др.] и отд. категорий [происхождение грамматич. [рода](#) (по К. [Майнхофу](#)), [классов именных](#), систем [склонения](#) и [спряжения](#), залоговых противопоставлений и т. п. (см. [Залог](#))]; вывести совокупность грамматич. категорий из некоего общего источника [ориентация семантики [категорий языковых](#) на человеческое тело, на личность (ср. грамматич. [лицо](#), [одушевлённости-неодушевлённости категорию](#), род и т. п.)].

При решении этих задач П. л. использует ряд методов и приёмов совр. языкознания. Данные [типологии лингвистической](#) (в частности, учение об [универсалиях лингвистических](#)) позволяют более точно оценить надёжность полученных результатов и с большей уверенностью сделать выбор из нескольких теоретически возможных решений. В ряде случаев целесообразно и перспективно обращение к данным «языка» приматов, к детскому языку (см. [Детская речь](#)), к типам патологич. нарушения речи (см. [Афазия](#)), к вторичным языковым системам и их «языкам». В кругу совр. гуманитарных наук П. л. особенно тесно связана с исследованиями в области архаичного сознания, социальной [антропологии](#), этногенеза, истории первобытного общества, истории духовной и материальной культуры. Лингвистич. учение о «древностях» [А. Кун, О. Шрадер, А. Неринг, Х. [Краз](#), Г. Гюнтерт (все – Германия), А. [Пикте](#) и др.] в значит. степени строится на результатах, достигнутых в П. л.; существует также направление в этой области, объясняющее характерные черты архаичных языков

особенностями культуры [Л. [Леву-Брюль](#), А. [Соммерфельт](#), Г. Хойер (США) и др.].

Литература

Лит.: Pictet A. Les origines indo-européennes. P., 1859–1863. Vol. 1–2; Schrader O., Nehring A. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. 2. Aufl. B.; Lpz., 1917–1929. Bd 1–2; Мapp Н. Я. Избранные работы. Л., 1933–1937. Т. 1–5; Lévy-Bruhl L. Des rapports de la linguistique et de la sociologie // Actes du 4-me Congrès International des linguistes. 1936. Cph., 1938; Sommerfelt A. La langue et la société. Caractères sociaux d'une langue de type archaïque. Oslo, 1938; Ginneken J. van. La reconstruction typologique des langues archaïques de l'humanité // Verhandelingen der Koninklijke Nederlandsche Akademie van Wetenschappen. Amst., 1939. Bd 44; Hoijer H. Linguistic and cultural changes // Language. Balt., 1948. Vol. 24; Эргативная конструкция предложения. М., 1950; Krahe H. Sprache und Vorzeit. Hdlb., 1954; Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. М., 1971–1984. [Т.] 1–3; Pulleyblank E. G. The beginning of duality of patterning in language // Papers of transdisciplinary Symposium on glossogenetics. P., 1981; Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тб., 1984. Т. 1–2; Шрадер О. Сравнительное языковедение и первобытная история. 3-е изд. М., 2011; он же. Индоевропейцы. 4-е изд. М., 2012.